

УДК 39

История и этнография чувашского народа в произведениях русских писателей XIX века

Тафаев Геннадий Ильич

Доктор исторических наук, профессор,
Чувашский государственный педагогический университет
им. И.Я. Яковлева,
428000, Российская Федерация, Чебоксары, ул. К. Маркса, 38;
e-mail: tafajev@gmail.com

Аннотация

История болгаро-чувашского народа освещалась в различных произведениях, вначале в русских летописях, которые затрагивали историю, дипломатию и геополитику Руси и Волжской Болгарии. Писал о болгарях Ибн Русте, Ибн Фадлан и другие. Таким образом, болгаро-чуваши были извостны, но до 1508 г. как болгары, а с начала XVI века – как чуваши.

Ключевые слова

История, этнография, культура, Чувашский край, чуваши.

Введение

Этнографы активно занялись изучением Чувашского края (Горной Болгарии) с середины XVI века, но особенно с XVII века. Причина такого интереса связана с христианизацией чуваш, а также с большой численностью чуваш в России.

Например, в 1700 г. чуваш насчитывалось более 230 тысяч человек, а казанских татар было меньше. Многие путешественники и этнографы стали активно изучать быт, религию, одежду, традиции чуваш с середины XIX века. Симбирская чувашская школа и лично И.Я. Яковлев с 70 г. XIX века сам активно приступил к

исследовательской деятельности по изучению своей истории, этнографии, языка и традиций.

Историзм в литературе

Анализируя произведения русских авторов, мы можем увидеть историзм чувашского народа. Например, в хрестоматии Ф.Е. Уяра «Русские писатели о чувашах» собраны произведения, которые раскрывают историю и культуру чуваш XVII – XX вв.

С. Т. Аксаков опубликовал свое видение чуваш в 1858 г. Писатель подметил историзм чувашского народа. Мы приведем часть из его работы: «наклонясь к переднему окну, сказал моему отцу, что дорога стала тяжела, что нам не доехать засветло до Парашина, что мы больно запоздаем и лошадей перегоним и что, не прикажет ли он заехать для ночевки в чувашскую деревню, мимо околицы, которой мы будем проезжать. Отец мой и сам уже говорил об этом; мы поутру проехали 40 верст, да после обеда надо было проехать 45, – это было уже слишком много, а потому он согласился на предложение Трофима. Хотя матери моей и не хотелось бы ночевать в чувашах, которые по неопрятности своей были ей противны, но делать было нечего,

и последовало приказание завернуть в чувашскую деревню для ночевки. Мы не доехали до Парашина 15 верст.

Через несколько минут своротили с дороги и въехали в селение без улиц; избы были разбросаны в беспорядке; всякий хозяин поселился там, где ему угодно, и каждому двору был свой проезд. Солнце, закрытое облаками, уже садилось, дождь продолжался, и наступили ранние сумерки; мы были встречены страшным лаем собак, которых чуваша держат еще больше, чем татары. Лай этот, неумолкаемо продолжавшийся и во всю ночь, сливался тогда с резким бормотаньем визгливых чувашек, с звяканьем их медных и серебряных подвесков и бранью наших людей, потому что хозяева прятались, чтобы избавиться от постояльцев. Долго звенела в ушах у нас эта пронзительная музыка. Наконец, как он ни прятался, отыскивали выборного, должность которого на этот раз, за отсутствием мужа, исправляла его жена-чувашка; она отвела нам квартиру у богатого чувашенина, который имел несколько изб, так что одну из них очистили совершенно для нас. В карете оставаться было сыро, и мы немедленно вошли в избу, уже освещенную горящею лучиной.

Тут опять явились для меня новые, невиданные предметы: пре-

жде всего, кинулся мне в глаза наряд чувашских женщин: они ходят в белых рубашках, вышитых красною шерстью, носят какие-то черные хвосты, а головы их и грудь увешаны серебряными – и крупными, и самыми мелкими – деньгами, все это звенит и брякает на них при каждом движении. Потом изумила меня огромная изба, закопченная лоснящеюся сажей с потолка до самых лавок, широкие, устланные поперек досками лавки, называющиеся «нарами», печь без трубы и наконец, горящая лучина вместо свечи, ущемленная в так называемый светец, который есть не что иное, как железная полоска, разрубленная сверху натрое и воткнутая в деревянную палку с подножкой, так что она может стоять, где угодно. В избе не было никакой нечистоты, но только пахло дымом, и не противно.¹

Мы расположились очень удобно на широких нарах. Отец доказывал моей матери, что она напрасно не любит чувашских деревень, что ни у кого нет таких просторных изб и таких широких нар, как у них, и что даже в их избах опрятнее, чем в мордовских и особенно русских; но мать возража-

ла, что мы сами очень неопрятны и гадки; против этого отец не спорил, говорил, что они – предобрые и честные люди.

Светец с ущемленной в него горящею лучиной, которую надобно было беспрестанно заменять новою, обратил на себя мое особенное внимание; иные лучины горели как-то прихотливо: иногда пламя пылало ярко, иногда чуть-чуть перебиралось и вдруг опять сильно вспыхивало; обгоревший, обуглившийся конец лучины то загибался крючком в сторону, то падал, треща и звеня и ломаясь; иногда вдруг лучина начинала шипеть, и струйка серого дыма начинала бить как струйка воды из фонтана, вправо или влево. Отец растолковал мне, что это была струйка не дыма, а пара, от сырости, находившейся в лучине. Все это меня очень занимало, и мне было досадно, когда принесли дорожную свечу и погасили лучину.

Мы все провели ночь очень спокойно...

Спускаясь с пологого ската, ведущего к реке Ик, надобно было проезжать мимо чувашско-мордовской и частью татарской деревни, называющейся Ик-Кармала, потому что она раскинулась по пригоркам речки Кармалки, впадающей в Ик, в полугоре

¹ Русские писатели о чувашах / Сост. Ф.Е. Уяр. – Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2009. – С. 63-64.

версте от деревни. Мы остановились возле околицы, чтобы послать в Кармалу для закупки овса и съестных припасов, которые люди наши должны были привести нам на ночевку, назначенную на берегу реки Ика.

Солнце стояло еще очень высоко; было так жарко, как среди лета. Вдруг мать начала говорить, что, не лучше ли ночевать в Кармале, где воздух сух, и что около Ика ночью непременно будет сыро. Я так и обмер. Отцу моему также было это неприятно, но он отвечал: «Как тебе угодно, матушка». Мать высунулась из окна, посмотрела на рассеянные чувашские избы и, указав рукою на один двор, стоявший отдельно от всех прочих и заключавший внутри себя небольшой холм, сказала:

– Вот где я желала бы остановиться.

Препятствий никаких не было. Богатый чувашенин охотно пустил нас на ночлег, потому что мы не требовали себе избы, и мы спокойно въехали на огромный, еще зеленый двор и поставили карету, по желанию матери, на самом верху холма или пригорка. Вид оттуда был очень хорош на всю живописную окрестность речки Кармалки и зеленую урему Ика, текущего в долине, я остался с матерью и сестрой; мне вдруг сделалось так лег-

ко, так весело, что, кажется, я еще и не испытывал такого удовольствия. После многих нежных слов, ласк и разговоров, позаботившись, чтобы хозяйские собаки были привязаны и заперты, мать приказала мне вместе с сестрицей побегать по двору. Мы обежали вокруг пригорка, на котором стояла наша карета, и нашли там такую диковинку, что я, запыхавшись, с радостным криком прибежал рассказывать о ней матери.²

Историзм по С.Т. Аксакову (сер. XIX в.):

- селения (дома) разбросаны в беспорядке;
- для охраны чуваша держали собак;
- богатые чуваша;
- высокий статус чувашских женщин;
- прекрасные, белые, чистые женские одежды, осыпанные деньгами;
- хорошие большие здания у богатых чуваш (определенная изба);
- у чуваш просторные избы и широкие норы;
- в избах чуваш опрятнее мордвы и русских;
- чистоплотность чуваш «в избе не было никакой нечистоты»;

2 Там же. – С. 63.

– некоторые неприятны и гадки, другие предобрые и нечестные люди;

– чувашаи запасливые и зажиточные продовольствием.³

Этнопсихология чуваш представлена на рис. 1

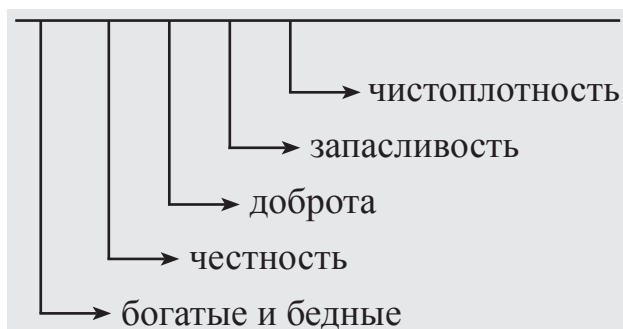

Рис. 1. Этнопсихология чуваш

Этнопсихология чуваш по А.А. Потехину:

– чувашаи прячут свои деревни с лесистой местности, по преимуществу;

– чувашаи – лесной народ и не любит бойких, открытых местностей;

– строят дома к дороге задом;

– чуваш – молчалив;

– чуваш – приветлив;

– чуваш – смотрит ласково;

– чуваш – доверчив;

– чуваш – держит себя спокойно и не развязно.

– чуваш – безмолвен;

– чуваш – тих;

– чуваш – робок;

– чуваш – подозрителен.

С.Т. Аксаков далее писал о знаниях чувашского народа: «Дело состояло в том, что с задней стороны, из середины пригорка бил родник; чувашенин подставил колоду, и так как все надворные строения были ниже родника, то он провел воду, во-первых, в летнюю кухню, во-вторых – в огромное корыто или выдолбленную колоду для мытья, и, в третьих, – в хлевы, куда загонялись на ночь скот и лошади. Все это привело меня в восхищение и обо всем я с жаром рассказывал матери. Мать улыбалась и хвалила догадливость чувашенина, особенно выгодную, потому что река была довольно далеко. В дополнение моего удовольствия, мать позволила мне развести маленький костер огня у самой кареты, потому что наш двор был точно поле.

Продолжавшаяся почти двое суток, дорога эта оставила во мне самое тягостное и неприятное воспоминание...

Я не могу описать тревогу и волнение, которые я испытывал тогда. У меня было и предчувствие, и убеждение, что с нами случится какое-нибудь несчастье, что мы или замерзнем, как воробыи и галки, которые налету падали

³ Там же.

мертвыми, по рассказам Параши, или захвораем. Но все мои страхи и опасения относились гораздо более к матери, чем к нам с сестрицей. У нас в возке опять стало тепло, а мать все сидела даже и не внутри повозки, а вся открытая. Предчувствие беды не давало мне спать. Вдруг мы остановились, и через несколько минут эта остановка привела меня в беспокойство; я разбудил Парашу, просил и молил ее постучать в дверь, позвать кого-нибудь и спросить, что значит эта остановка; но Параша, обыкновенно всегда добрая и ласковая, недовольная тем, что я ее разбудил, с некоторою грубостью отвечала мне:

– Никого не достучишься теперь. Известно, зачем остановились.

Если бы она знала, какое мучение испытывал я от неизвестности, то конечно сжалилась бы надо мной.

Благодарение богу, возок скоро двинулся. Поутру, когда мы опять остановились пить чай, я узнал, что мои страхи были не совсем неосновательны: у нас точно замерз было чувашинин, ехавший фореитором в нашем возке. Будучи плохо одет, он так озяб, что упал без чувств с лошади: оттерли и довели благополучно до ближайшей деревни. Тогда же поселились во мне до сих пор сохраняемые мною ужас и отвращение к зимней езде на

переменных обывательских лошадях по проселочным дорогам».⁴

«В Оренбургской губернии (теперь здесь Самарская губерния) находятся серные источники, получившие впоследствии всем известное имя «Сергиевских серных вод». Тогда это было дикое место на нагорной стороне степной реки «Большой Сургут». Серные ключи били из подошвы небольшой горы и ручьями втекали в огромный четвероугольный, крепко срубленный из толстых дубовых бревен, бассейн, построенный необычайно прочно и почти до краев наполненный осевшею серою. Старожилы говорили, да и местность это подтверждала, что тут был некогда серный завод, уничтоженный будто бы в последние годы царствования императрицы Елизаветы. Лично мне рассказывали, что когда расчищали серные ключи, то находили дубовые клинья, чурбаки и доски, обернутые в войлок, которыми были крепко заколочены главные источники, отчего вода, прегражденная в своем истоке, просачивалась вокруг множеством маленьких родников. Очевидно, что завод был уничтожен за мнимым, то есть искусственным, уменьшением серных ключей. Кому это было нужно, не знаю. Из бассейна бежала речка и

4 Там же. – С. 65.

впадала в Сургут. По отлогим скатам, в ущельях которых, избитых шахтами, росли разные породы чернолесья, в живописном беспорядке были разбросаны калмыцкие кибитки, палатки, плетневые шалаши и кое-где избышки, перевезенные из ближайших чувашских деревень. Помещики, даже из дальних мест, начинали уже каждое лето съезжаться на воды. Никаких докторов и полицейских чиновников там еще не было, а был некто Петр Андреич Глазов, оренбургский помещик и железный заводчик, открывший эти целебные источники по народной молве, потому что обыватели упраздненного города Сергиевска и окрестные жители, по большей части некрещенные чуваша, не переставали лечиться и выливаться от всех болезней питьем прозрачной, холодной, как лед, серной воды и купаньем в ее бассейне».⁵

Менталитет чуваш по А.А. Потехину представлен на рис. 2.

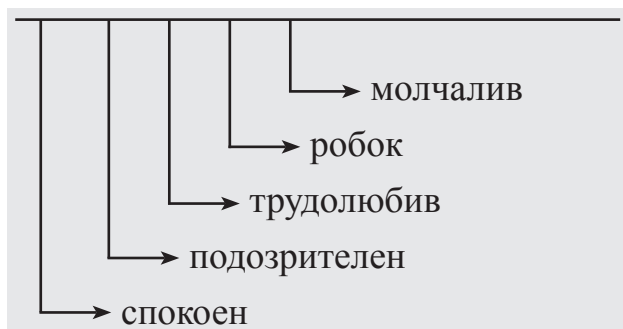

Рис. 2. Менталитет чуваш по А.А. Потехину

⁵ Там же. – С. 66.

Заключение

Таким образом, в произведениях русских писателей отмечается правда по истории, культуре чувашского народа. Русские литераторы еще не были знакомы с различными альтернативными концепциями происхождения чувашского народа. Они не политизировали историю и культуру народов Среднего Поволжья.

Библиография

1. Русские писатели о чувашах / Сост. Ф.Е. Уяр. – Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2009. – 590 с.
2. Тафаев Г.И. Символизм новочувашской цивилизации в произведениях художника Элли Юрьева (1936-2001 гг.) // Белые пятна российской и мировой истории. – 2012. – № 1. – С. 107-113.
3. Тафаев Г.И. Фальсификация древнеболгарской (древнечувашской) истории носителей R-языка татаро-кыпчаками – носителями Z-языка // Белые пятна российской и мировой истории. – 2013. – № 1-2. – С. 6-17.

History and ethnography of the Chuvash people in the works of Russian writers of the XIX century

Tafaev Gennadii Il'ich

Full Doctor of History, professor,
Yakovlev Chuvash State Pedagogical University,
P. O. Box 428000, K. Marksa str., No. 38, Cheboksary, Russia;
e-mail: tafajev@gmail.com

Abstract

Ethnographers are actively engaged in the study of Chuvash region from the middle of the XVI century, but especially since the XVII century. The reason for this interest is connected to the Christianization of the Chuvash, as well as with large numbers of the Chuvash in Russia. In 1700, there were more than 230 thousand of the Chuvash people, and the Kazan Tatars were smaller. Many travelers and ethnographers began actively explore the life, religion, clothing, traditions of the Chuvash from the mid XIX century. Simbirsk Chuvash school and various respectable researchers from the 1870s actively started to research on the study of the history, ethnography, language and traditions. Analyzing the works of Russian authors, we can see the historicism of the Chuvash people. They have depicted the truth on history, culture of the Chuvash people. For that moment, Russian writers have not been familiar with the various alternative concepts of the origin of the Chuvash people. They did not politicize the history and culture of the peoples of the Middle Volga.

Keywords

History, ethnography, culture, Chuvash region, the Chuvash.

References

1. Tafaev, G.I. (2012), "Symbolism of new-Chuvash civilization in works of the artist Elli Yur'ev (1936-2011)" ["Simvolizm novochuvashskoi tsivilizatsii v proiz-

- vedeniyakh khudozhnika Elli Yur'eva (1936-2001 gg.)"], *Belye pyatna rossiiskoi i mirovoi istorii ("White Spots" of the Russian and World History)*, No. 1, pp. 107-113.
2. Tafaev, G.I. (2013), "Falsification of Old Bulgarian (Old Chuvashian) history of R-language speakers by Tatar Kipchak – Z-language speakers" ["Fal'sifikatsiya drevnebolgarskoi (drevnechuvashskoi) istorii nositelei R-yazyka tataro-kypchakami – nositelyami Z-yazyka"], *Belye pyatna rossiiskoi i mirovoi istorii ("White Spots" of the Russian and World History)*, No. 1-2, pp. 6-17.
 3. Uyar, F.E. (2009), *Russian writers on the Chuvash* [*Russkie pisateli o chuvashakh*], Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo, Cheboksary, 590 p.